

ПИСЬМА С ОСТРОВА

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

ТАТЬЯНА БОНЧ-ОСМОЛОВСКАЯ
•
ПИСЬМА С ОСТРОВА

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

МОСКВА • 2025

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Б81

Редактор серии — Д. Ларионов

Бонч-Осмоловская, Т.
Б81 Письма с острова / Татьяна Бонч-Осмоловская. —
М.: Новое литературное обозрение, 2025. — 264 с.

ISBN 978-5-4448-2641-6

«Лоскутки рассказов развлекали и ужасали, обрывались в никуда. Отдельные истории не завершались, но собирались в лучшее из повествований, историю об историях, и не опускались в сияющие пропасти дидактичности и нравоучительности». Книга Татьяны Бонч-Осмоловской — это собранная неведомой героиней коллекция жутковатых сказок и одновременно цельное произведение, органически складывающееся из этих историй. Переосмысляя сюжеты и поэтику европейских сказочных сюжетов, классической литературы и античных мифов, автор помещает своих героев в современный тревожный мир антропологической и экологической катастрофы, населенный разнообразной флорой и фауной. Однако в центре все же оказывается растерянное и расщепленное человеческое сознание, которому в условиях неопределенности и туманности будущего остается одно — рассказывать истории. Татьяна Бонч-Осмоловская — прозаик, поэт, филолог.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

© Т. Бонч-Осмоловская, 2025
© Н. Агапова, дизайн обложки, 2025
© ООО «Новое литературное обозрение», 2025

Содержание

Вступление	5
<i>Письмо первое.</i> Сиринга	9
<i>Письмо второе.</i> Побег	11
<i>Письмо третье.</i> Это всего лишь конец... ..	15
<i>Письмо четвертое.</i> Белый Зайчик	16
<i>Письмо пятое.</i> моя подруга подобрала на улице ангела... ..	25
<i>Письмо шестое.</i> Школьный праздник	27
<i>Письмо седьмое.</i> ты вернешься в свой дом налегке... ..	42
<i>Письмо восьмое.</i> Скрипичная пьеса для рыжего кота	43
<i>Письмо девятое.</i> Понарошку	53
<i>Письмо десятое.</i> Мариан	54
<i>Письмо одиннадцатое.</i> Под конец узнаешь... ..	60
<i>Письмо двенадцатое.</i> Белые лебеди	61
<i>Письмо тринадцатое.</i> ногти покрасить в синий цвет... ..	64
<i>Письмо четырнадцатое.</i> День луна ночь	65
<i>Письмо пятнадцатое.</i> Пока мы играли, пока мы листали... ..	67
<i>Письмо шестнадцатое.</i> Крысоловка	68
<i>Письмо семнадцатое.</i> господин! на закате... ..	71
<i>Письмо восемнадцатое.</i> В ночь	73
<i>Письмо девятнадцатое.</i> ночь улеглась, рассвета линия легка... ..	78
<i>Письмо двадцатое.</i> Наблюдения за птицами	80

<i>Письмо двадцать первое. в древности австралийские аборигены...</i>	84
<i>Письмо двадцать второе. Девочка, которую все любили...</i>	86
<i>Письмо двадцать третье. Бабушка варит варенье из роз...</i>	97
<i>Письмо двадцать четвертое. Почти как сирень</i>	99
<i>Письмо двадцать пятое. Дети голодных лет...</i>	110
<i>Письмо двадцать шестое. В волшебном саду</i>	111
<i>Письмо двадцать седьмое. в библиотеке</i>	115
<i>Письмо двадцать восьмое. Забытая сказка</i>	116
<i>Письмо двадцать девятое. Заросший травой след...</i>	118
<i>Письмо тридцатое. Макро Полюс</i>	120
<i>Письмо тридцать первое. Как стало тихо...</i>	126
<i>Письмо тридцать второе. Добежать до норы</i>	127
<i>Письмо тридцать третье. тают стены тает дым...</i>	130
<i>Письмо тридцать четвертое. Утроение сущностей</i>	131
<i>Письмо тридцать пятое. Кровать обращается в пар...</i>	136
<i>Письмо тридцать шестое. Тишина</i>	137
<i>Письмо тридцать седьмое. Ночь наступала неспешно...</i>	139
<i>Письмо тридцать восьмое. Единственный шанс</i>	141
<i>Письмо тридцать девятое. потом бабушка стала сосной...</i>	145
<i>Письмо сороковое. Пятый возраст</i>	146
<i>Письмо сорок первое. Старая женщина толкает по дороге тележку...</i>	149
<i>Письмо сорок второе. Переплетение нежных корней</i>	150

<i>Письмо сорок третье. у них не было лиц...</i>	153
<i>Письмо сорок четвертое. Пиршественный индюк, или Повесть о любви Гракулея и Лусисзвны</i>	154
<i>Письмо сорок пятое. Такая была жара...</i>	170
<i>Письмо сорок шестое. На берег</i>	172
<i>Письмо сорок седьмое. Когда луна взошла наружу...</i>	177
<i>Письмо сорок восьмое. Переход</i>	178
<i>Письмо сорок девятое. По утрам витражи блекнут и потолок...</i>	183
<i>Письмо пятидесятое. Тонкая оболочка</i>	184
<i>Письмо пятьдесят первое. под дымящимся кругом луны поднимается дюжина птах...</i>	187
<i>Письмо пятьдесят второе. Три пачки офисной бумаги по пятьсот страниц</i>	189
<i>Письмо пятьдесят третье. а здесь смешные облака...</i>	216
<i>Письмо пятьдесят четвертое. Я пишу тебя</i>	217
<i>Письмо пятьдесят пятое. старое кресло</i>	227
<i>Письмо пятьдесят шестое. Пеннорожденная тройня</i>	228
<i>Письмо пятьдесят седьмое. накануне затмений, кометы, парада планет...</i>	247
<i>Письмо пятьдесят восьмое. И тогда снег.</i>	248
<i>Письмо пятьдесят девятое. ночь рыдает шрапнелью перьев...</i>	250
<i>Письмо шестидесятое. Старые свитки</i>	251
<i>Письмо шестьдесят первое. если глядеть изнутри...</i>	256
<i>Письмо шестьдесят второе. Приходит волна</i>	257
<i>Письмо шестьдесят третье. тогда я стану дождем...</i>	260

ВСТУПЛЕНИЕ

В мае двадцать второго проклятого года в мой почтовый ящик упало письмо с неизвестного адреса. В сабже значилось: «contes cruels». Давнее увлечение сочинениями Огюста де Вилье де Лиль Адана единственное остановило мою руку, привычно направлявшую в корзину послания, неизвестным науке образом обошедшие жесткие спам-фильтры. Сообщение располагалось непосредственно в теле письма, что было благоразумно со стороны автора. Моя любознательность не распространялась на то, чтобы открывать вложение, хоть и маскирующееся под текстовый файл. Однако я прочитала этот текст и заинтересовалась настолько, чтобы, во-первых, скопировать его в отдельную папку, а во-вторых, изучить емейл отправителя. По всей видимости, это была рассылка и мой адрес значился в слепой копии списка адресатов. Имя horaciawh в домене gmail было, вероятно, пересылочным пунктом, заведенным в безымянном интернет-кафе, через который поток писем направлялся по множеству случайных адресов, включающих и мой. Более того, следующие письма, приходящие с тем же заголовком «жестокие сказки», отправлялись с других мейлов, с приставкой Re:, Re:Re:, Re:Re:Re:, так что я предположила, что оказалась включена в неведомую группу, сочиняющую текст по принципу «сада разветвляющихся троп». Если имя первого отправителя и прочитывалось как слегка искривленное «Горация», следующие представляли собой все более нелепые сочетания букв и цифр. В этой цепочке мне слышалось приглашение вступить в игру, но я так никогда и не включилась в нее, даже если то была только игра, и так никогда и не отправила собственных сочинений на последний или какой-либо из адресов в цепочке. Дважды я писала вежливые сообщения на исходный мейл, еще похожий

на человеческий, но ответов не получила. Ни к чему обнадеживающему не привел и быстрый поиск в сети людей с таким именем и инициалами, как значилось в послании, как и со всеми прочими именами отправителей. Но уже самое первое письмо вытащило меня из серой тоски, в которой я в то время пребывала, не способная ни на какую физическую или умственную деятельность. И, сама себе удивляясь, я ожидала следующего письма в состоянии, схожем с влюбленностью, растущей с каждым новым мейлом, словно бы зыбкая фигура отправителя воплощалась передо мной во плоти. Лучше, чем во плоти, — это наслаждение не требовало от меня соответствия принятым в обществе нормам факабельности, но представляло собой наслаждение как таковое. Из вышесказанного читатели вправе делать любые выводы как о моем психическом состоянии, так и о моих сексуальных предпочтениях. Я осуществляю это издание не для того, чтобы прославить собственное имя или открыть человечеству истину, до сего времени остававшуюся ему неизвестной.

Уже после пары первых писем я просмотрела корзину на предмет, не провалилось ли туда какое-либо из прошлых «contes cruels». Но в прошлом ничего подобного не было, а в настоящем в мой ящик с регулярностью три — пять, самое больше — шесть дней приходили все новые истории. Я оставила попытки разыскать их автора или авторов, полагая, что если он, или она, или же они хотели в наши непростые дни оставаться анонимными, то имели все основания и права пребывать в таком качестве. А мне пришлось смириться с их недостижимостью, по крайней мере до той поры, пока они не захотят открыть свои личности или пока кто-либо из иных читателей жестоких сказок не окажется более удачливым в определении авторов. Собственно, это соображение и побудило меня опубликовать полученные по почте истории, ни в коей мере не претендуя на авторство, но исключительно надеясь

совместными усилиями — в том числе излишне скромных получателей той же рассылки — из крошечных туманных осколков собрать лицо их создателя. Впрочем, я не исключаю возможности, что адресатом полученных мною писем была единственно я одна, а генерил их какой-нибудь случайный AI по алгоритму, составленному на основе моих предпочтений. Оттого эти истории произвели на меня такое впечатление, тогда как всякий другой читатель не найдет в них ничего забавного и удивительного. Эта версия пахнет конспирологией, однако в пользу первого аргумента говорит то наблюдение, что со времени знакомства со «сказками» я определенно стала встречать их фрагменты, сюжетные лоскутки и отдельные фразы во всяческих текстах, классических и современных, к чтению которых заново пристрастилась. Я утешала себя сознанием зеркальности образов и ограниченностью числа сюжетов, но всякий раз, когда узнавала некоторую фразу, — словно отражение запомнившейся шахматной позиции мелькало и пропадало в двери комода, всякий раз я ощущала, как мурашки бегут по коже. Станным образом, в такие моменты, когда из разрозненных ниток сказок, распределенных по пространству, я убеждалась в реальности этих текстов, я убеждалась и в реальности их авторов, и более того — в существовании их в едином со мной временном промежутке.

Аргумент об обращенности сказок лично ко мне и ко мне одной мог быть подтвержден или опровергнут только возникновением открытой обратной реакции на их открытую же публикацию. И для того, чтобы получить упомянутую реакцию, я предъявляю эти сказки читателю и ожидаю ее с дрожью, с какой не стала бы ждать представления собственного дитя взыскательному суду экзаменаторов.

Всего я получила что-то вроде пяти дюжин посланий, а после того как скудный поток писем прекратился к середине осени, ждала еще полтора месяца,

перечитывая и перечитывая полученные прежде, а затем собрала их вместе и, признаюсь, слегка литературно обработала. Не редакторской, но минимальной корректорской правкой. Я не касалась жанров и стилей, меняющихся от текста к тексту, что косвенно подтверждало гипотезу полилога. Лоскутки рассказов развлекали и ужасали, обрывались в никуда. Отдельные истории не завершались, но собирались в лучшее из повествований, историю об историях, и не опускались в сияющие пропасти дидактичности и нравоучительности.

Если они и заставляли читателя остановиться и задуматься, то над вшитыми в живой сюжет загадками, иной раз и математическими задачками. Однако второпях авторы путали падежи, питали необъяснимое предпочтение к заглавным буквам в названиях институций и по большой части произвольно расставляли знаки препинания. Данные проколы, вероятно, представляли характерный след, по которым могла бы быть установлена личность автора или авторов посланий, но я все же скрыла их в пользу традиционной орфографии. Легкое несоответствие авторской грамматики и пунктуации принятым нормам языка было, на мой скромный взгляд, единственной фальшивой нотой в превосходном произведении. Возможно, как я заметила выше, эти истории воодушевили меня и только меня, в то время как другие читатели не найдут в них ничего умного и забавного, что могло бы вывести их из сплина. Все же я смею надеяться, они развлекут читателя и подлинным светом красоты и мудрости озарят его душевное состояние. Как бы то ни было, достаточно мне говорить. Пора остановить предварительные разглагольствования и распахнуть занавес основного действия.